НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А.Н. Федоровский

**РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: ОПЫТ
ПОСТАВТОРИТАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Научный доклад

Москва
ИМЭМО РАН
2017

УДК 339(519.5)
327(519.5)
ББК 65.5(5Кор)
66.4(5Кор)
Федоровс 336

Серия “Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М.
Примакова”

Рецензенты:
кандидат исторических наук А.В. Рябов
кандидат экономических наук А.А. Рогожин

Федоровс 336

Федоровский А.Н. Республика Корея: опыт поставторитарной
модернизации. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 39 с.

ISBN 978-5-9535-0515-4

DOI:10.20542/978-5-9535-0515-4

Доклад посвящен описанию модернизационных процессов в
Республике Корея. Прослеживается ход фундаментальных
трансформаций в экономике, политической системе,
внешнеэкономической сфере и внешней политике Южной Кореи,
анализируются инновационные программы, нацеленные на повышение
глобальной конкурентоспособности страны. Анализируются
последствия внутривнутриполитического кризиса 2016–2017 гг. с точки
зрения влияния на будущее социальной политики, приоритеты внешней
политики и внешнеэкономической стратегии, развития межкорейских
отношений.

**Fedorovsky A. The Republic of Korea at the stage of post-authoritarian
modernization. – Moscow, IMEMO, 2017. – 39 p.**

ISBN 978-5-9535-0515-4

DOI:10.20542/978-5-9535-0515-4

The paper describes processes of modernization in the Republic of Korea. It
traces fundamental transformations in South Korea's economy, political
system, foreign economic relations and foreign policy, analyzes innovation
programs aimed at boosting its competitive power on a global scale. The
consequences of domestic political crisis of 2016-17 are analyzed with
special emphasis on their impact on South Korea's future social policy,
foreign policy and foreign economic strategy priorities, inter-Korean
relations.

**Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте
<https://www.imemo.ru>**

ISBN 978-5-9535-0515-4

© ИМЭМО РАН, 2017

Содержание

Введение.....	4
Приоритеты инновационной перестройки экономики.....	6
Кризис и перспектива реформы политической системы.....	13
В поиске новых направлений социально-экономической политики.....	21
На пути оптимизации внешнеэкономических связей и внешней политики.....	25
Заключение.....	37

Введение

В 2017 г. в Республике Корея обращаются к событиям тридцатилетней давности, связанным с массовыми выступлениями студентов, представителей среднего класса и рабочих, протестовавших в 1987 г. против сохранения в стране политического наследия военной диктатуры. Процесс трансформации южнокорейского авторитарного режима, начавшись в 1987 г., получил свое административно-правовое завершение после финансового кризиса 1997-98 гг. и избрания лидера несистемной оппозиции Ким Дэ Чжуна президентом страны. За прошедший период удалось укрепить основы разделения властей, создать независимую судебную систему, поднять авторитет в обществе средств массовой информации. В 2000 г. были сняты ограничения на деятельность некоммерческих организаций, получивших в Южной Корее за прошедшие полтора десятилетия заметное развитие.

Серьезные шаги по пути модернизации коммерческой сферы были предприняты администрацией Ким Дэ Чжуна и его преемником на посту президента Но Му Хёном. Они подтолкнули к реформированию крупнейшие конгломераты – т.н. чэболи – такие, как Samsung, Hyundai, LG, содействуя их превращению в более открытые и независимые от государства бизнес-группы, которые в решающей степени определяют структуру южнокорейского бизнеса и специализацию страны в мировой экономике.

Одновременно существенную поддержку получил малый и средний бизнес (МСБ). Облегчение условий коммерческой деятельности МСБ (доступ к кредитным ресурсам, снижение административного давления) позволило малому предпринимательству увеличить свой вклад в насыщение рынка необходимыми товарами и, особенно, услугами (как традиционными, так и

инновационными), что противодействовало росту цен. Учитывая, что в общем индексе потребительских цен на услуги приходилось 55%, движение цен в этом секторе экономики в значительной мере определяло уровень инфляции.¹ При этом следует подчеркнуть, что низкую динамику цен (или их снижение) в сфере услуг задавало правительство и крупный бизнес, в том числе в медицине, электроэнергии, мобильной связи. Тем самым определялись рамки ценовой политики МСБ. Умеренный рост цен на услуги на фоне возникавших скачков цен на продовольствие, вызванных периодически происходящими природными катаклизмами, сдерживал общий уровень инфляции и серьезно оздоровил экономическую ситуацию в стране.

Другим существенным фактором, в определяющей степени подтолкнувшим модернизационные процессы, было решение властей в условиях преодоления кризиса не закрывать южнокорейскую экономику, а, напротив, продолжать следовать курсом на достижение её открытости мировому рынку. В результате, по расчетам южнокорейского исследовательского центра Samsung Economic Research Institute, открытость экономики Республики Корея мировому рынку увеличилась с 70% до 90%.² Тем самым были расширены каналы притока инвестиций, передовых технологий и дешевого импорта (прежде всего из Китая), а также ряда других государств, что привело к снижению или, во всяком случае, к стабилизации цен на многих товарных нишах.

Следует особо подчеркнуть, что опережающий рост инновационных отраслей в южнокорейской экономике, помимо всего прочего, оказал существенное влияние на

¹ Post-Crisis Transformation of the Korean Economy: A Review from 1998 to 2002 / ed. By Kyeong-won Kim. Seoul: Samsung Economic Research Institute, 2003. P. 43.

² Ibid., p. 47.

снижение инфляции. Этот фактор проявился еще в первой половине 90-х годов, однако наиболее заметным его воздействие стало в посткризисный период. Так, доля отраслей информационных технологий (ИТ) в ВВП выросла с 5,7% в 1995 г. до 16,9% в 2002 г. Причем развитие отраслей ИТ сопровождалось снижением цен на полуфабрикаты и комплектующие изделия, а также на готовую продукцию. В частности, цены на персональные компьютеры (ПК) сократились в 1998-2002 гг. на 16%.³ Это стимулировало «потребительский бум», позволивший компаниям наращивать прибыль на фоне снижения цен. Число используемых в стране ПК увеличилось с 6,9 млн. шт. в 1997 г. до 22,5 млн. шт. в 2002 г. За это же время число домашних хозяйств, владеющих ПК, выросло с 29% до 60%, а число мобильных телефонов увеличилось с 6,9 млн. шт. до 32,3 млн. шт.⁴ Массовое внедрение ПК и ИТ в промышленность и сферу услуг сопровождалось снижением издержек и, соответственно, противодействовало росту цен.

Приоритеты инновационной перестройки экономики

Успехи в развитии инновационной экономики были обобщены и развиты при разработке курса на кардинальную модернизацию южнокорейской экономики, что получило системное выражение в 2000-е годы. Обращает на себя внимание тот факт, что долгосрочные научно-технические программы за последние десять лет приобрели комплексность и преемственность, помешать которым не может происходящая каждые пять лет смена правящих в стране президентских администраций. В этом смысле важным рубежом было выдвижение в 2008 г.

³ Ibid. p. 43.

⁴ Ibid., p. 130.

*Инициативы 577 (или Плана администрации Ли Мён Бака научного и технологического развития).*⁵

Прежде всего следует отметить, что сама главная идея плана предполагала определение инноваций двух уровней. В первую очередь выделялось развитие «Ключевых промышленных технологий» (Key industrial technologies), в числе которых технологии сегодняшнего дня: 1) экологичные технологии, 2) новые технологии в судостроении и создании морских платформ 3) интеллектуальные производственные системы и т.д.

К технологиям «следующего ряда» или candidate технологий были отнесены 1) «умные» системы автоматизации 2) новое поколение производственных процессов 3) новое поколение полупроводниковых систем. Иными словами, технологии, формирующие перспективу инновационного процесса. Тем самым в инновационной политике закладывалась этапность, которая, хотя и предполагала внесение необходимых корректировок, делала акцент на последовательность и взаимосвязанность реализуемых программ.

Следует также подчеркнуть, что намеченная реализация инновационных планов подкрепляется принятием конкретных шагов по обеспечению необходимой базы развития науки и технологий, в первую очередь путем подготовки квалифицированных кадров, повышения качества персонала в сфере предоставления высокоинтеллектуальных услуг, а также повышения уровня кадров для малого и среднего бизнеса.

Примечательным явлением представляется усиление поддержки фундаментальной науки, в том числе за счет увеличения госрасходов на НИОКР, а также повышения качества научной инфраструктуры,

⁵ www.125.60.48.13/home4/dl_files/edu/018/577initiative.pdf

предполагающего оптимизацию использования научно-технической базы. Кроме того, предлагались меры по обеспечению охраны интеллектуальной собственности. С этим неразрывно связано расширение участия всех южнокорейских звеньев инновационного процесса в глобальных проектах НИОКР.

Ключевую роль в реализации инновационных программ играет крупный бизнес. При этом речь идет не только о количественной стороне дела: на долю ведущих частных корпораций приходится порядка 70% всех инвестиций на НИОКР, на долю государства – 25%. Важно также, что в последнее десятилетие южнокорейские компании все большее значение придают не только прикладным, но и фундаментальным исследованиям, которые позволяют эффективнее решать задачу продвижения передовых производственных технологий.

Примером последовательных и скоординированных действий государства, частного бизнеса и академических кругов следует считать пилотный проект «умной» сети энергетики на о. Чечжу. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот проект, начавшийся в 2009 г., органично вписался в трехлетний план инновационного развития на 2014-2017 гг., принятый уже администрацией президента Пак Кын Хе.

В связи с этим энергетический проект на о. Чечжу следует рассматривать не только как решение самостоятельной задачи, но и с точки зрения стратегических целей, заложенных в программе 577, а позднее – в Трехлетнем плане инновационного развития. Прежде всего, это скоординированные действия государства и головной компании проекта – Корейской энергетической корпорации (KEPCO), обеспечивающей с 2009 г. реализацию Пилотного проекта создания системы

«умной» (или активно-адаптивной) энергетической сети на о. Чечжу.

Удачей проекта на о. Чечжу считается одновременное создание по всей стране «Интеллектуальной системы контроля и мониторинга сети и потребления (AMI)», рассчитанной к 2020 г. на 18 млн. пользователей электроэнергии. Проект предполагает практическое решение задачи и одновременное продолжение исследовательских работ в рамках заданной темы. Драйвером проекта считается участие в нем более 160 южнокорейских и иностранных компаний, в том числе таких, как автомобилестроительная корпорация Hyundai Motors, а также ведущих южнокорейских телекоммуникационных компаний KT, SKT, LG Telecom.

Кроме того, примечательно приобретение проектом международного значения с точки зрения ожидаемых результатов. В связи с этим необходимо упомянуть договоренность Корейского электротехнического исследовательского института (The Korea Electrotechnology Research Institute) с расположенными в американском штате Иллинойс исследовательскими центрами, представленными Illinois' Argonne National Laboratory и Чикагским университетом (University of Chicago), заручившихся поддержкой правительства штата в лице The Illinois Department of Commerce. Особое значение придается тому, что результаты пилотного проекта на о. Чечжу будут совместно обобщены и использованы для реализации аналогичных проектов в Сеуле и Чикаго.

К положительной стороне проекта можно отнести то обстоятельство, что ход его реализации отслеживается и анализируется управленческими, коммерческими и научными структурами Республики Корея в постоянном режиме. Это позволяет уже по ходу продвижения проекта, не ожидая его завершения, использовать научные и практические результаты в целях переноса наиболее

удачных решений на всю территорию страны. Кроме того, опираясь на полученные итоги и демонстрируя ход реализации проекта на о. Чечжу, Южная Корея стремится занять лидирующие позиции на мировом рынке исследования и создания активно-адаптивных сетей.

Характеризуя Трехлетний план инновационного экономического развития 2014-2017 гг., следует отметить, что администрация президента Пак Кын Хе не ставила задачу тотального пересмотра предшествующей инновационной политики.⁶ На практике новая программа продолжала реализацию основных положений проекта 577, дополняя его новыми идеями. Предложенный администрацией Пак Кын Хе порядок действий исходил из необходимости подчеркнуть комплексность подхода к обеспечению инновационного роста. В связи с этим в плане нашли отражение меры по поддержке малого бизнеса, совершенствованию подготовки трудовых ресурсов, а также территориальному размещению производств.

Новизна предложенных решений состояла в увязке предлагаемых мер с внесением существенных корректив в экономическую стратегию Республики Корея, а именно: 1) создание эффективной экономики; 2) поддержание инновационного роста; 3) обеспечение сбалансированной ориентации на внутренний и внешний спрос. Особое внимание обращалось на подходы к решению актуальной задачи преодоления главной проблемы предшествующих этапов развития инновационных отраслей – узости высокотехнологичного рынка, ограничивающей возможности инновационного предложения. Отмечалась также актуальность перестройки с преимущественно экспорт-ориентированного развития на более сбалансированный рост, опирающийся как на внутренние, так и на внешние импульсы.

⁶ [http://english.mosf.go.kr/popup/14_policyFocusBanner_20140401/\[MOSF_Press_Releas\]_For detail tasks&time table.pdf](http://english.mosf.go.kr/popup/14_policyFocusBanner_20140401/[MOSF_Press_Releas]_For detail tasks&time table.pdf)

Важной производной частью трехлетнего плана стал Мастер-план по созданию интернета вещей (ИВ). В том числе, содействие расширению внутреннего потребительского рынка высокотехнологичных товаров, который наряду с внешним спросом должен подтолкнуть развитие ИВ.

Воздерживаясь от общей характеристики проектов, еще находящихся в стадии реализации, следует отметить стремление продолжать деловой диалог государства и бизнеса, в том числе в рамках Государственно-частного комитета креативной экономики, включающего в себя представителей венчурных компаний, МСБ, крупнейших конгломератов и государственных чиновников, делегируемых правительством и региональными органами власти.

Также заметна роль Центров креативной экономики, оказывающих поддержку частным инвестициям в НИОКР, в числе которых – созданный в 2014 г. Центр интернета вещей, Глобальный совет государственных и частных организаций по делам ИВ, а также Информационный центр ИВ. Цель этих организаций состоит в оказании консультаций как крупному, так и малому и среднему бизнесу относительно международного опыта освоения ИВ, а также возможности глобализации коммерческой деятельности, связанной с ИВ. В Мастер-плане также выделяется создание инфраструктуры, необходимой для безопасного и динамичного развития ИВ, которую предполагается добиться не только собственными усилиями, но и путем сотрудничества в этой области с США, Японией и странами ЕС, а также другими государствами.

Таблица № 1. Основные экономические показатели Республики Корея

	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Темпы прироста ВВП (%)	2,3	2,9	3,3	2,8	2,8	2,7
Темпы прироста пром. пр-ва (%)	1,5	0,7	0,3	-0,3	1,0	1,0
Уровень безработицы	3,2	3,1	3,5	3,6	3,7	3,8
Инфляция (индекс потребительских цен, %)	2,2	1,3	1,3	0,7	1,0	1,0
Курс воны к доллару США	1 071	1 055	1 099	1 173	1 208	1170
Экспорт млрд. долл. (% прироста)	548 (-1,3)	560 (2,1)	573 (2,3)	527 (-8,0)	495	530
Импорт млрд. долл. (% прироста)	520 (-0,9)	516 (-0,8)	526 (1,9)	436 (-8,0)	406	430
Баланс (млрд. долл.)	28	44	47	89	89	100
Международные резервы (млрд. долл.)	327	346	364	368	371	-

* Оценка

Источник: <http://www.focus-economics.com/countries/korea>

Среди основных недостатков развития южнокорейской инновационной системы следует отметить все еще недостаточно адекватное участие в этом процессе малого и среднего бизнеса.

С помощью упомянутых программ предполагается дать возможность инициативным и располагающим новаторскими идеями гражданам, а также МСБ реализовать свой потенциал и усилить конкурентную среду. Однако однозначно позитивно оценивать принятые меры пока еще рано.

Между тем правительственные аналитики и независимые эксперты отмечают проблемы, связанные с инновационной деятельностью крупных частных корпораций. Проблема состоит в преодолении нынешнего состояния дел, когда каждая компания и исследовательский центр проводят соответствующую

работу в закрытом режиме изолировано, развивают свое собственное программное обеспечение и прочие необходимые компоненты. Такой подход грозит, в частности, сужением возможности экспансии на рынке ИВ.

В связи с этим государством делается попытка ввести открытый конкурентный режим, позволяющий обеспечить выбор наиболее перспективных идей, трансформации их в необходимые услуги и предложение их потребителю. Целью является развитие как новых высокотехнологичных производств, так и технологическое обновление и придание новых возможностей традиционным отраслям с помощью ИВ.

Однако для полноценного анализа реальных изменений в этой сфере потребуется время. Проведенные преобразования позволяют южнокорейской экономике сохранять достаточно стабильные темпы развития (см. Таблицу № 1). Тем не менее существующие проблемы ограничивают использование возможностей для роста.

При этом дело не ограничивается объективными трудностями. Негативную роль играют также попытки бизнеса добиться привилегированных условий ведения дел за счет «особых» связей с бюрократией, что деформирует конкурентные условия. А это ставит вопрос о незавершенности процесса разделения интересов корпоративных структур и государства в экономике, а также об актуальности политических реформ.

Кризис и перспектива реформы политической системы

Осенью 2016 г. в Республике Корея разразился глубокий политический кризис, приведший к краху администрации президента Пак Кын Хе. При этом дестабилизация ситуации в стране выявила глубинные, системные проблемы южнокорейской государственности.

В столице и других городах страны до весны 2017 г. проходили митинги и демонстрации, которые собирали сотни тысяч (по некоторым оценкам свыше миллиона) протестующих, требовавших отрешения главы государства от власти. На отставке президента настаивала и парламентская оппозиция. Проблема осложнялась тесным переплетением ряда обстоятельств, затруднявших выход из создавшегося положения.

С одной стороны, налицо отражение в политике личной драмы президента Пак Кын Хе, в силу ряда обстоятельств оказавшейся под влиянием своей подруги Чхвэ Сун Силь – дочери основателя и руководителя «Церкви вечной жизни», который являлся духовным наставником потерявшей родителей Пак Кын Хе. В свою очередь, Чхвэ Сун Силь после кончины своего отца в 1994 г. взяла на себя функцию наперсника именитой подруги на всём её политическом пути от ее избрания в 1998 г. в парламент до периода президентского правления с 2013 г. по 2017 г.

Согласно попавшим в прессу свидетельствам, подруга президента, не занимая официальных должностей в правящей администрации, взяла на себя функции редактора выступлений главы государства и влияла на принимаемые решения политического и экономического характера. Публикация этих сведений в южнокорейской прессе вызвала в стране глубокое возмущение. При этом общественность и экспертов заинтересовали не столько эмоциональные и психологические аспекты отношений двух подруг, сколько их политическое и корыстное содержание. Извинения перед нацией, произнесенные Пак Кын Хе, не смогли ослабить волну резкой критики деятельности президента.

Прежде всего, стал очевидным провал механизма функционирования власти. Общественность крайне

негативно восприняла то, как принимались решения по государственным вопросам на высшем уровне: оказалось, что в обход конституционного порядка неуполномоченное лицо оказывало влияние на подготовку важнейших решений. Политические оппоненты из парламентской оппозиции и некоммерческих организаций припомнили Пак Кын Хе также стремление навязать стране единый учебник истории, в котором положительно трактуется правление диктаторов – Ли Сын Мана и ее отца Пак Чон Хи.

Южнокорейское общество в очередной раз столкнулось не только с закрытостью, но и с коррумпированностью элит. Подтвердились обвинения в сборе спонсорских средств с крупнейших корпораций (среди замешанных – Hyundai, Samsung, LG) при участии Федерации корейских промышленников в размере 70 млн. долл. для фондов, контролируемых дочерью все той же Чхвэ Сун Силь. В итоге уже в который раз в истории Республики Корея проявились корыстные отношения власти и крупного бизнеса. Арестован ряд сотрудников президентской администрации. В офисах замешанных в скандале компаний и Федерации корейских промышленников прошли обыски и следственные действия.

Кризис правящей администрации выявил и кризис политической системы. В частности, проявилась неспособность оппозиции к решительным действиям. Масштабные выступления митингующих проходили регулярно, но лишь часть из них были организованы оппозицией, которая оказалась слаба и не в состоянии возглавить протестную волну. Более того, проявились колебания и противоречия в её рядах, возникли попытки провести сепаратные переговоры с Пак Кын Хе, что вызвало критику в общественных кругах и СМИ. В итоге оппозиционные президенту парламентские силы во главе с «Тобуро» (Совместная Демократическая партия) поддержали радикальное требование об отставке Пак Кын Хе и гласном расследовании всего происшедшего.

Стоявшая за президентом партия (с февраля 2017 она приняла решение именоваться «Свободная Корея»), с одной стороны, потребовала у главы государства отказаться от партийного членства, с другой - попыталась затянуть процесс всех разбирательств и дожидаться ослабления протестных выступлений в надежде разрядить обстановку.

Между тем, кризис показал, что в Южной Корее сформировался сильный иммунитет от нарушения демократических норм, основанный на активности гражданского общества и действенности политических институтов. Примечательно, что практически повсеместно отмечался организованный и мирный характер демонстраций и митингов.

На фоне непрекращавшихся общественных выступлений Конституционный суд Республики Корея 10 марта 2017 г. единогласно утвердил импичмент президента Пак Кын Хе, вынесенный парламентом страны 9 декабря 2016 г. Выборы нового президента состоялись 9 мая 2017 г., принеся победу кандидату Совместной Демократической партии Мун Чжэ Ину.

Объявление импичмента нарушило дотоле мирный характер продолжавшихся около полугода уличных манифестаций. В результате столкновений сторонников и противников Пак Кын Хе и действий полиции 10 марта в Сеуле погибло три человека и около 80 пострадало. Однако, хотя Южная Корея и пережила глубокий политический кризис, его решение было найдено в результате политических переговоров и не вышло за рамки конституционных норм.

Тем не менее в повестке дня политических элит, включая парламентариев, оказалось обсуждение конституционных поправок, поскольку в обществе сложилось понимание необходимости придать прочность демократическим институтам, предотвратить попытки в

любой форме возродить авторитарный стиль руководства страной, сузить возможности для коррупции.

Предварительный план реформ предполагает поэтапный порядок внесения изменений в конституцию страны, а именно:

- до конца 2017 г. парламентские партии представляют согласованные поправки в основной закон страны;

- в марте 2018 г. поправки выносятся на окончательное обсуждение в парламенте, с тем чтобы в мае следующего года они были утверждены 2/3 от общего числа законодателей;

- параллельно с проведением местных выборов в июне 2018 г. поправки в конституцию должны быть утверждены общенародным референдумом.⁷

Вносимые нововведения намечают децентрализацию власти, выражающуюся в перераспределении полномочий от центра в пользу провинциальных органов управления. Обсуждается возможность перехода от однопалатного к двухпалатному парламенту. Сохранение существующей однопалатной системы ряд авторитетных политиков называют «опасной».⁸ Вторая палата намечается как орган, в котором будут представлены депутаты, избранные по принципу регионального представительства.

Кроме того, намечается замена одного пятилетнего срока пребывания президента у власти на две каденции по четыре года каждая. (Нововведения предлагают применить при избрании следующего президента, не оставляя Мун Чжэ Ину шанса избраться вторично).

Введение при переходе от военной диктатуры к демократии ограничения президентского срока было

⁷ Parliamentary speaker hopes for consensus over constitutional revision by year-end. 31.07. 2017 / <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

⁸ Ibid.

обусловлено опасениями рецидивов формирования авторитарного правления. Между тем сторонники реформы полагают, что именно скоротечность одного срока, угроза относительно быстрого попадания главы государства в положение «хромой утки» провоцируют власть (и, в большей степени, её окружение) на использование коррупционных схем во второй половине срока правления. По мнению сторонников предлагаемых реформ, безоговорочное следование правилу двух четырехлетних сроков, а также перераспределение в стране властных полномочий должны стать гарантией сохранения безусловной сменяемости лидера страны и преградой для любых попыток узурпации власти. Хотя у реформаторов немало противников, шансы на претворение намеченного достаточно велики.

Таким образом, конституционная реформа призвана обеспечить снижение концентрации властных полномочий исключительно в политическом центре, в том числе в руках одного государственного лидера, поскольку сложившаяся политическая система создает благоприятные условия для коррупции и приводит к резкой поляризации общества. Поэтому нововведения направлены на поддержку конкуренции в политике во всех её проявлениях, а также на обеспечение транспарентности функционирования политических институтов.

Внутриполитический кризис негативно отражается на экономике, главным образом на положении крупнейших конгломератов – *чэболей*. Многие из них обвиняются в коррупционных связях с окружением Пак Кын Хе. В том числе был арестован фактический руководитель Samsung Ли Чжэ Ён. Часть общественных сил выступают за решительное ограничение роли чэболей в экономике и политике. На ситуацию также влияет победа на президентских выборах Мун Чжэ Ина, известного своей критической оценкой крупного бизнеса. Между тем

раздаются голоса, призывающие избегать крайностей в оценках чэболей, учитывая их вклад в развитие южнокорейской экономики. Скорее всего, отношение к чэболям в период правления Мун Чжэ Ина (2017-2022) станет одной из основных тем в политической жизни страны.

Актуальным вопросом современной повестки дня в Южной Корее остается проблема партийного строительства. В Республике Корея партии традиционно создавались не под идею, а скорее под лидера. При этом свою роль играли факторы землячества, обучение в одном университете и т.д. В результате, создаваемые структуры были концептуально неустойчивыми, партии часто меняли название. Пока рано судить, насколько способной к критической самооценке своей деятельности окажется политическая элита, и готова ли она будет к новым решениям, кроме очередной смены партийных знамен. Несомненно, что активная (и весьма дееспособная) часть общества будет пристально следить за трансформациями политических институтов, а также роли в этом процессе парламента.

Тем не менее при всех колебаниях партийного строительства и непоследовательности политического курса можно выделить сформировавшиеся в 2000-е годы стратегические приоритеты ведущих парламентских партий. Совместная Демократическая партия, поддерживающая нынешнего президента Мун Чжэ Ина, с известной степенью условности может быть отнесена к левоцентристским партиям. Внутри страны она отдает предпочтение мерам активной социальной политики (поддержание занятости, субсидирование низкодоходных групп). Во внешней политике демократы настроены на поиск конструктивного взаимодействия с Китаем и Россией, оставаясь лояльными американо-южнокорейскому военному союзу.

Приоритеты партии Свободная Корея близки к правоконсервативным ценностям. В частности, депутаты этой партии активно поддерживали выдвинутые в 2014 г. президентом Пак Кын Хе меры по ограничению государственного вмешательства в экономику. При этом подчеркивалось, что «реформы неосуществимы, если они останутся делом только правительства и государственных служащих», что «правлящая партия возглавит работу по ликвидации основ бесполезных мер регулирования».⁹ С этой целью был создан специальный комитет, в функцию которого входило законодательное обеспечение реформ по управлению экономикой в целом, а также госпредприятий и пенсионной системы. Во внешней политике, являясь сторонниками союза с США, консерваторы остаются приверженцами диверсификации внешнеполитических приоритетов, в том числе в пользу стран-соседей, включая Китай и Россию. В этом смысле падение президента Пак Кын Хе заметно не отразилось на признании в политических элитах важности заявленного ею курса на активизации политики на евразийском направлении.

Все это дает основание различить в современной Южной Корее прообраз двухпартийной системы, подразумевающей существование двух умеренных партий, представляющих правоцентристский и левоцентристский фланги политической системы страны. При этом, ведя острую полемику друг с другом, две ведущие партии могут находить взаимопонимание по ключевым вопросам, прежде всего по проблемам, связанным с обеспечением безопасности страны. Прочие, более мелкие партии будут выполнять роль «довесков», которые, в зависимости от ситуации, будут склонять чашу весов в пользу того или иного политического курса.

⁹ Ruling party launches deregulation body. 26. 03. 2014. / <http://korea.assembly.go.kr/inc/popPrint.jsp>

В поиске новых направлений социально-экономической политики

В новом тысячелетии в Республике Корея начался очередной этап социально-экономического развития. Выражением этого стало достижение в 2007 г. среднедушевого дохода в 21 665 долл. Не всегда этот рост отражал реальные процессы – так, в 2004-2006 гг. рост ВВП на душу населения на 22,4% был связан с резкими колебаниями валютного курса. В период кризиса 2008-09 гг. колебания происходили в диапазоне 934,5 (21.01.2008) – 1 573 (3.03.2009) вон за долл.¹⁰

Тем не менее, превышение показателя в 20 тыс. долл. стало рубежом, символизировавшим превращение южнокорейского общества в общество потребления. Это подразумевало постановку вопросов, выходящих за рамки собственно сферы потребления (больше и лучшего качества продовольствия, одежды, фармацевтики, товаров длительного пользования), но и относящихся к сфере производства, науки, образования, здравоохранения и рекреации, культуры, гуманитарной сферы и социально-политических процессов.

При этом подошел к своему исчерпанию механизм экономического роста за счет притока рабочей силы и длительной рабочей недели, нормой продолжительности которой до середины 2000-х годов считались 54 часа в неделю.¹¹

Концепция Ли Мен Бака исходила из того, что экономический рост не может по-настоящему состояться без становления активного лидерства бизнес-сектора,

¹⁰ Chan Jin Kim. Economic Development and Law in Korea. Seoul: The Catholic University of Korea Press. 2009, p. 247.

¹¹ Young-lob Chung. South Korea in the Fast Line. Economic Development and Capital Formation. Oxford-NewYork: OxfordUniversityPress. 2007, p. 46.

основанного на современной системе организации труда. А это значит, что стратегический рост не может быть устойчивым, будучи направляемым государством – он должен быть направляем бизнесом. Это прямо противоречило стратегическим установкам предшествовавшей администрации Но Му Хёна, для которого тема сбалансированности и социального равенства преобладала над вопросами экономического развития.

При Ким Дэ Чжунге и Но Му Хёне рост социальных расходов привел к увеличению бюджетного дефицита. Государственный долг в 1997-2007 гг. увеличился в 4 раза до 300 трл. вон.¹² Правительство не увеличивало налоги, а выпускало облигации. При этом РК из-за возникших опасений наращивания дальнейшей масштабной бюджетной поддержки социальной сферы теряло имидж устойчивой рыночной экономики, ухудшив свой рейтинг экономической свободы в 2000-2005 гг. до 45-го места среди 157 стран, уступив Гонконгу, Сингапуру и Японии.¹³

В деловых кругах Южной Кореи широко распространилось беспокойство, что в случае продолжения следования избранному курсу поддержки социальной сферы в долгосрочной перспективе страна может подойти к кризису, оказавшись не способной выполнять свои обязательства. Кроме того, рост бюджетных расходов побуждал бы правительство в конечном итоге добиваться увеличения налогов.

Тем временем в середине 2000-х годов в социальной политике нарастал хаос, поскольку разные группы населения настаивали на своей версии социальной справедливости, отказываясь от компромиссных решений. Идеологические установки, которые правительство

¹² Ibid., p. 259.

¹³ Ibid., p. 260.

пыталось реализовать на практике, привели не к улучшению, а к ухудшению ситуации в стране, что вызвало отторжение у значительной части населения, которое предпочло практические решения и прагматический курс, предложенный Ли Мён Баком.¹⁴

Однако пришедшие к власти последовательно консервативные администрации Ли Мён Бака и Пак Кын Хе не смогли предложить свою концепцию решения социальных вопросов, ограничившись упованием на частичное преодоление проблем за счет роста производительности экономики.

В современных условиях на развитие ситуации влияет победа на президентских выборах Мун Чжэ Ина, известного поддержкой социального патернализма. Социально-экономические меры, получившие по имени их автора наименование «чжэномикс (J-nomics)», отчетливо показывают приверженность новой администрации активной социальной политике и стремлению ограничить возможности влияния чэболей в этом вопросе.

На нынешнем этапе заявлены три важных аспекта экономического курса нового южнокорейского президента. Во-первых, декларировано намерение добиться снижения безработицы среди молодежи (превысившей 11%) за счет создания в предстоящие пять лет более 800 тыс. рабочих мест в сфере оказания госуслуг (социальные работники, общественная безопасность и т.д.). Кроме того, намечается перевод 300 тыс. частично занятых на полную занятость.

Во-вторых, предоставляются субсидии населению с низкими доходами во всех возрастных категориях: безработной молодежи (18-34 года), родителям с детьми до 5 лет, беднейшим пенсионерам.

В-третьих, заявлено стремление ограничить роль в стране чэболей. В том числе их политическую роль, для

¹⁴ Ibid., p. 272.

чего намечается покончить с практикой фактической неподсудности владельцев и крупных менеджеров чэболей.

В то же время, как уже отмечалось, раздаются голоса, призывающие избегать крайностей в оценках чэболей, учитывая их вклад в развитие южнокорейской экономики. Скорее всего, отношение к чэболям в ближайшей перспективе останется одной из основных тем в внутривнутриполитической борьбе, исход которой пока трудно предсказать. Тем не менее в стране растет убеждение, что затягивать с принятием окончательного решения невозможно, поскольку деловое сообщество должно понимать приоритеты правительства.

Между тем весьма острой становится проблема регулирования трудовых отношений. По мнению ряда южнокорейских и зарубежных экспертов, жесткий порядок государственного контроля за условиями найма и увольнения мешает южнокорейским предпринимателям оптимизировать свои производства. В международном индексе конкурентоспособности РК, несмотря на серьезные усилия по стимулированию развития инновационных отраслей, предпринимаемые государством на протяжении последних 10-15 лет, опустилась с 7-го места в 2007 г. до 26-го в 2014 г. и остается на этой позиции и в 2017 г.¹⁵

Деловые круги сетуют, что у них связаны руки в деле оптимизации производств, поскольку уволить освобождающийся в результате модернизации персонал оказывается практически невозможно. В этих условиях администрация Мун Чжэ Ина оказывается перед необходимостью, с одной стороны, принять непопулярные решения, способствующие либерализации рынка труда, включая трудовое законодательство, а с другой – следовать заявленному курсу защиты интересов наемных рабочих, многодетных семей и пенсионеров. Пока южнокорейские власти не смогли предложить политику, как

¹⁵ Korea Times. 2.10.2017.

удовлетворяющую интересы работодателей, так и обеспечивающую социальные потребности занятых в экономике, учащихся и пенсионеров.

На пути оптимизации внешнеэкономических связей и внешней политики

Досрочное отрешение от власти Пак Кын Хе произошло на фоне сложной внешнеполитической ситуации на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Пхеньян продолжает претендовать на обладание ракетно-ядерным оружием, игнорируя осуждающие резолюции Совета Безопасности ООН. В свою очередь, США приступили к развертыванию ПРО THAAD, о чем они в свое время достигли договоренности с администрацией Пак Кын Хе. Такие действия вызывают протесты Китая, обеспокоенного состоянием своей безопасности. В результате под угрозой оказывается также многолетнее тесное торгово-экономическое сотрудничество между Пекином и Сеулом, что может весьма болезненно сказаться на южнокорейской экономике. В этих условиях перспективы межкорейских отношений в увязке с поиском Южной Кореей своего места в треугольнике Пекин-Вашингтон-Сеул наверняка окажутся в повестке дня внутривнутриполитических дебатов.

Корейские элиты в своем стремлении решить весь комплекс проблем на Корейском полуострове исходят из того, что КНДР в обозримой перспективе, по мере разложения тоталитарной системы и вызревания рыночных отношений, неизбежно столкнется с невозможностью сохранить статус-кво внутри страны и обеспечивать тотальную изолированность от внешнего мира. В результате возникнут новые условия развития межкорейских отношений, создающие предпосылки экономической интеграции Севера и Юга, а затем и объединения Кореи.

При этом в условиях подавляющего экономического и научно-технического превосходства над Севером Южная Корея рассчитывает получить возможность в решающей степени влиять на условия, параметры, этапы и сроки национального объединения. В этих условиях актуальной задачей становится приведение внешней политики в соответствие с поставленными задачами.

В 2008-2016 гг. внешнеполитические акценты в обобщенном виде были расставлены президентами правоконсервативных предпочтений Ли Мён Баком и Пак Кын Хе, хотя реализовать намеченное в полной мере им не удалось. С одной стороны, сохранялся курс на поддержание тесных союзнических отношений с США. С другой стороны, имелась потребность в расширении политических и экономических связей с Китаем и Россией в рамках *евразийского направления*.

Именно с расширением внешнеэкономических связей, с активным участием в региональных интеграционных процессах Сеул связывает решение своих стратегических задач, к которым относятся: во-первых, выдвижение на новый уровень инновационного развития, включая постепенный переход к «зеленому росту» (концепция, разделяемая партнерами по АТЭС), во-вторых, закрепление в рамках международных соглашений возможности отстаивания своих принципиальных экономических интересов, а в конечном итоге – суверенитета. Последнее обстоятельство отчасти объясняет если не негативное, то, во всяком случае, настороженное отношение РК к региональным мега-проектам.

При этом во властных элитах страны сложился консенсус относительно стратегии интеграции в мировую экономику. Эта стратегия носит двухуровневый характер.

К первому уровню относится заключение преимущественно двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). Ко второму – переговоры и проекты, носящие мегарегиональный и глобальный характер.

На практике администрации либерального президента Но Му Хёна (2003–2008 гг.) и консервативных руководителей южнокорейского государства Ли Мён Бака (2008 – 2013 гг.) и Пак Кын Хе (2013–2017 гг.) проводили близкую по своему содержанию внешнеэкономическую политику, которая при президенте Ли Мён Баке получила наименование «пространство свободной торговли» (free-trade network), которая должна способствовать реализации задачи формирования экономики «глобальной Кореи» (Global Korea).¹⁶ При этом данная позиция исходит из понимания, что интеграция на пространстве АТР происходит не столько под влиянием плановых начертаний государственных руководителей, сколько под воздействием рыночных драйверов.

Цель означенной политики состоит, в том числе, в превращении РК в региональный «хаб», своего рода пункт притяжения и перераспределения товарных потоков и предоставляемых услуг, инвестиций, научно-технических и информационных обменов, а также подготовки и концентрации высококвалифицированных кадров.¹⁷ Практическая реализации намеченных целей проявляется в подписании двусторонних ССТ.

Подписание двусторонних соглашений РК с ЕС и США из-за существенного различия экономических потенциалов имеет для РК большее значение, чем для ее внешних партнеров. По существующим оценкам, подписание ССТ с ЕС (действует с 1 июля 2011 г.) позволило РК увеличить ежегодный прирост ВВП на 1-2

¹⁶ South Korea: international relations, trade and policies / editor, Alan K. Becker. – N.Y.: Nova Science Publishers, 2011. P.32-33.

¹⁷ Ibid.

проц. пункта, тогда как ЕС – всего лишь на 0,05 п.п. Аналогичное соглашение между Сеулом и Вашингтоном, вступившее в силу 15 марта 2012 г., по мнению американских и южнокорейских экспертов дало РК увеличение прироста ВВП на 0,5 п.п., США – на 0,1 п.п.¹⁸

Между тем американо-южнокорейское ССТ подверглось жесткой критике со стороны президента Д. Трампа из-за сохраняющегося торгового дисбаланса в пользу РК. Недовольство вызывает тот факт, что «после заключения ССТ с Южной Кореей, например, импорт из этой страны более чем удвоился, а это не тот результат, который, по словам Трампа, «ожидал американский народ».¹⁹ При этом следует подчеркнуть, что дефицит в торговле с РК составил в 2016 г. лишь 28 млрд. долл. (или 3,8% совокупного внешнеторгового дефицита США), тогда как аналогичные показатели в торговле с Китаем достигли 347 млрд. долл. (43,2%), с Японией – 69 млрд. долл. (9,8%).²⁰

Американская Комиссия по международной торговле в опубликованном в июне 2016 г. докладе дает позитивную оценку действующему двустороннему ССТ. Авторы документа отмечают, что без данного соглашения дефицит в торговле США с РК может увеличиться и составить 44 млрд. долл. Иными словами американские компании имеют возможность благодаря ССТ больше реализовывать товаров и услуг на южнокорейском рынке, а значит – нанимать больше персонала в США, что как раз и

¹⁸ South Korea: international relations, trade and policies / editor, Alan K. Becker. – N.Y.: Nova Science Publishers, 2011. P.52

¹⁹ Королев И., Дмитриев С. Контуры формирующейся внешнеэкономической программы США / Мировая экономика и международные отношения. Том 61, № 10, с. 29.

²⁰ Junseong An. Renegotiation of the South Korea – US Free Trade Agreement: Time to Think Big Strategy.

соответствует задачам, озвученным президентом Д. Трампом.

Существующее соглашение позволяет начать процедуру выхода из него через 180 дней после соответствующего уведомления партнера. Однако даже в случае результативных американско-южнокорейских переговоров по пересмотру ССТ новое руководство РК в лице президента Мун Чжэ Ина столкнется с серьезными трудностями при ратификации скорректированного договора, поскольку южнокорейская политическая элита болезненно воспринимает угрозу внешнего давления с целью получения экономических уступок.

Между тем РК испытывает проблемы при реализации своей стратегии диверсификации внешнеэкономических связей в пользу восточноазиатских партнеров. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вступившее в силу 20 декабря 2015 г. южнокорейско-китайское ССТ спустя год получило в Республике Корея сдержанные оценки. С одной стороны, позитивно воспринимается тот факт, что подпадающие под действие соглашения товарные группы в 2016 г. в меньшей степени продемонстрировали количественное снижение, нежели весь товарооборот в целом. С другой стороны, тот факт, что достигнутые договоренности не только не увеличили взаимные обмены, но и не смогли предотвратить их сокращение, вызывает разочарование в южнокорейских политических, экспертных и деловых кругах. В частности, экспорт в КНР упал за год на 11%, тогда как в целом объем вывоза южнокорейских товаров сократился за год на 7%. При этом доля поставок из Южной Кореи в общем объеме китайского импорта несколько уменьшилась (с 10,9% до 10,5%), в то время как доля такого южнокорейского конкурента, как Япония, не имеющей аналогичного соглашения с Китаем, увеличилась с 8,9% до 9,6%.²¹

²¹ One year later, no clear winner in S.Korea-China free trade agreement
<http://English.hani.co.kr/arti/PRINT/775431.html>

Одним из объяснений сложившейся ситуации может быть то обстоятельство, что за рамками двустороннего ССТ остались товары, в производстве которых южнокорейский бизнес сохраняет свои конкурентные преимущества: полупроводники, дисплеи с плоским экраном, автомобили.

Большая часть южнокорейского экспорта в Китай (до 75% в 2010 г.) приходится на промежуточные товары, используемые в Китае для изготовления конечной продукции. При этом 35% (т.е. почти половину) составляют компоненты и узлы для производства инвестиционных товаров, а также транспортных средств и оборудования. В то же время в южнокорейском импорте из Китая преобладает конечная продукция, прежде всего потребительского назначения (12,1%).²²

Таблица № 2. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2001 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд. долл.)	%	Импорт в РК (млрд. долл.)	%
Китай	18,2	12,1	13,3	9,4
Гонконг	9,5	6,2	1,2	0,9
Тайвань	5,8	3,9	4,3	3,0
АСЕАН	15,3	10,2	14,5	10,3
Япония	16,5	11	26,6	18,9
Вост. Азия, всего	65,3	43,4	59,9	42,5
США	31,4	21	22,4	15,9
ЕС (27)	22,6	15	14,1	10
Россия	0,9	0,6	1,9	1,3
Всего	150,4	100	141,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map (<http://trademap.org/tradestat>)

²² Nicolas F. Korea and economic integration in East Asia: the way forward/Korea's Economy 2012. Vol.28. P 89.

Таблица № 3. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2016 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд. долл.)	%	Импорт в РК (млрд. долл.)	%
Китай	124,4	25,1	87,0	21,4
Гонконг	32,8	6,6	1,6	0,4
Тайвань	12,2	2,5	16,4	4,0
АСЕАН	79,2	16,0	46,8	11,6
Япония	24,4	4,9	47,5	11,7
Вост. Азия, всего	273,0	55,1	199,3	49,1
США	66,8	13,5	43,4	10,6
ЕС (27)	50,7	10,2	49,2	12,1
Россия	4,8	1,0	8,6	2,1
Всего	495,5	100	406,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map
(<http://trademap.org/tradestat>)

Аналогичные соглашения РК с Европейским Союзом подразумевало освобождение от таможенных тарифов в течение 10 лет 98,1% европейских товаров, ввозимых в РК, и 99,6% южнокорейских товаров, поставляемых в ЕС. Американо-южнокорейский ССТ предусматривает также в течение 10 лет освобождение 98,3% американских товаров, ввозимых в РК и 99,2% южнокорейских товаров, импортируемых США. Таким образом, степень либерализации южнокорейско-китайской торговли без малого на 20-30 процентных пунктов меньше, чем предусматривается соглашениями РК с западными партнерами.²³

При этом помимо количественных отличий южнокорейско-китайское ССТ характеризуется тем, что

²³ Schott J.J., Euijin Jung. South Korea-China FTA falls short on reform / <http://www.eastasiaforum.org/2016/05/29/south-korea-china-fta-falls-short-on-reform/>

китайская сторона в ходе проходивших переговоров, несмотря на позицию южнокорейских партнеров, избегала применения договорных стандартов, апробированных в южнокорейско-американском ССТ.

Одновременно сохраняются дисбалансы в регулировании торговли сельскохозяйственной продукцией. Освобождению от тарифов на протяжении 20 лет подлежит 64% продукции южнокорейского и 91% китайского сельскохозяйственного экспорта. Кроме того, обращает на себя внимание, что вопросы либерализации инвестиционных обменов и взаимной торговли услугами были выведены за рамки соглашения. Эти вопросы решено рассмотреть на переговорах не раньше 2018 г.

Между тем налицо снижение привлекательности Китая для южнокорейских инвестиций. Если в 2003-04 гг. на Китай приходилось 40% всех прямых частных капиталовложений, направляемых из РК за рубеж, то к 2011 г. эта доля сократилась до 14%.²⁴ Задержка с выработкой инвестиционного договора о взаимных инвестициях как дополнения к двустороннему ССТ может негативно отразиться на перспективах развития китайско-южнокорейских отношений, что отрицательно скажется на внешнеэкономических планах и той, и другой стороны.

РК заинтересована в экономической экспансии на рынки стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Для этого использовался формат ССТ с государствами этого региона, а также переговорный форум АСЕАН + 3, в рамках которого десять стран-членов АСЕАН оговаривают принципы экономического взаимодействия с Китаем, Южной Кореей и Японией. Заинтересованность Сеула в этой структуре объясняется возможностью экспортировать готовую продукцию на рынки ЮВА как в двустороннем формате, так

²⁴ F. Nicolas. Korea and economic integration in East Asia: the way forward/Korea's Economy 2012. Vol.28. P. 90.

и с промышленных предприятий, расположенных в Китае. Однако эта возможность подходит к своему исчерпанию не только в связи с ростом издержек в Китае, но и в связи с тем, что за 2010-15 гг. совокупный дефицит торговли стран-членов АСЕАН с КНР вырос с 6 млрд. долл. до 84 млрд. долл., т.е. в 14 раз.²⁵

В период с 1995 г. по 2010 г. крупный южнокорейский бизнес перенес за рубеж (преимущественно в ЮВА, а также в Восточную Европу) 17% своего промышленного потенциала.²⁶ Тем самым снижались издержки, преимущественно связанные с оплатой труда и логистикой.

Однако оптимизация такого рода экспортных возможностей подошла к своему пределу. С этим связан поиск в РК альтернативных внешнеэкономических решений. Стратегия президента Мун Чжэ Ина предусматривает развитие малого и среднего бизнеса, сферы услуг, в том числе финансового сектора, а главное – продолжение укрепления инновационных отраслей.²⁷ В частности, ставится задача приоритетного роста «индустрии 4.0», в том числе с ориентацией на внешние рынки. В то же время для ее реализации в странах АСЕАН потребуется новое качество трудовых ресурсов, образовательной и институциональной среды, что позволило бы поднять в регионе и адекватный спрос, и создание высокотехнологичных производственных цепочек.

²⁵ Рогожин А.А. Экономические отношения стран АСЕАН и Китая – взгляд без иллюзий//Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, политика, культура, экономика. Выпуск XXXIV. Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион 2016-2017 гг. М.: ИВ РАН, 2017, с. 36.

²⁶ Park Yoon-shik. Miracle on the Han River Part II, or Regression to the Mean, South Korea's Economy in Transition//Global Asia, vol. 9, № 4, 2014, p. 23.

²⁷ Lee Jong-Wha. Can J-nomics Save South Korea's Economy? / <http://www.project-syndicate.org/print/moon-south-korea-economic>

Торможение модернизационных и интеграционных процессов в странах АСЕАН может заставить южнокорейский бизнес вновь сконцентрироваться на китайском рынке, чего он всячески стремится избежать.²⁸ Кроме того, степень интеграции финансовых рынков в Восточной Азии отстает от уровня регионального взаимодействия в сфере торговли. Доля США и ЕС в портфельных инвестициях в 2004-09 гг. сократилась на 10 процентных пунктов – с 47% до 37%.²⁹ Однако расширение присутствия местных игроков на рынке портфельных инвестиций и рынке ценных бумаг и краткосрочных кредитов в силу недостатков регулирования и оценки рисков создает атмосферу нестабильности. РК настаивает на неуклонном, но взвешенном подходе к развитию региональных финансовых институтов, а также предлагает свой экспертный потенциал для создания аналитических агентств, осуществляющих мониторинг финансовых рисков в Восточной Азии.

Отсюда также проистекает сбалансированный подход РК при обсуждении перспектив эволюции международной валютной системы. Учитывая привязку мировой торговли к американской валюте, ее роль в международных резервах, Сеул не склонен поддерживать предложения, подразумевающие резкие перемены, способные дестабилизировать существующую иерархию валют. Вместе с тем в РК полагают, что изменение баланса сил в мировой экономике должно сопровождаться постепенной корректировкой валютной сферы, первоначально на региональном уровне. В этом плане Республика Корея положительно оценивает

²⁸ Kim Young-Sun. ASEAN - S.Korea partnership to grow / <http://www.thestar.com.my/news/regional/2017/05/24aseans-korea...>

²⁹ Park Young-Joon. Financial Integration in Asia: Development and Korea's Role/ Korea's Economy 2012. Vol.28. p. 81.

международные своповые соглашения, позволившие в 2000-е годы оперативно привести в равновесие колебания валютного спроса и предложения. С другой стороны, Республика Корея ожидает, что страны, претендующие на увеличение своей внешнеэкономической роли и чья валютная политика оказывает заметное влияние на мировую торговлю, включая Китай, должны демонстрировать повышенную ответственность при принятии своих экономических решений.

Выжидательная позиция РК связана с неопределенным тезисом о намерении интегрировать уже существующие между членами АТЭС двусторонние и многосторонние ССТ в единый договор, действия которого распространятся на весь регион. Пока дорожной картой намечается проведение инвентаризации этих соглашений, фокусируясь на выявлении существующих различий и противоречий. Затем предполагается поиск подходов к снятию противоречий действующих соглашений о ССТ с последующим переходом к выработке новых норм регулирования (“next generation trade and investment issues”), с гармонизацией соответствующих предложений с правилами ВТО. Однако можно предположить, что сложности вызовет необходимость решить, какие принципы ССТ целесообразно принять за базовые, а какими допустимо пожертвовать.

Вместе с тем пока нет существенного продвижения в подготовке итоговой договоренности Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), в рамках которого Китай намеревался представить свою версию интеграции в АТР, альтернативную Транстихоокеанскому партнерству (ТПП). Неопределенность с будущим ТПП после выхода из соглашения США; предпочтения, выражаемые Китаем собственному проекту «Один пояс – один путь» размывают параметры и приоритеты РВЭП. Сеулу и его партнерам предстоит провести перезагрузку переговорного процесса,

в рамках которого участникам предстоит определить цели и возможности РВЭП в новых условиях.

Кризис или замедление реализации региональных мегапроектов подтолкнет ведущие страны региона к переговорам в более камерном формате – на двустороннем или субрегиональном уровнях. Таким курсом по всей видимости в ближайшие годы предполагает идти администрация Д. Трампа. В этой связи многое будет зависеть от того, в каком темпе будет идти концентрация торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и РК в наиболее перспективных сферах экономики, создающих организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений.

В сложившихся условиях приоритеты участия РК в региональных проектах в решающей степени определяются тремя ключевыми факторами. Во-первых, тенденцией снижения роли государства в экономике, готовностью южнокорейского частного бизнеса действовать в конкурентной среде. Во-вторых, необходимостью поддерживать внешнеэкономическую экспансию, опираясь прежде всего на потенциал инновационных отраслей. В-третьих, потребностью использовать возможности заключения двусторонних ССТ как механизм продвижения внешнеэкономических интересов, обеспечения диверсификации внешних связей, а также участия страны в интеграционных мега-проектах.

В этом контексте очевидно, что российско-южнокорейские экономические отношения и с количественной (см. таблицы 2 и 3), и с качественной точки зрения пока находится вне магистральных направлений внешнеэкономической стратегии РК. В торговых обменах нет зримого наличия цепочек добавленной стоимости; в южнокорейском экспорте преобладают товары, связанные с автомобилестроением, а в российском – минеральные и энергетические ресурсы. Более того, доля минеральных

ресурсов в южнокорейском импорте из России в 2007-15 гг. увеличилась с 56% до 81%.³⁰ В связи с этим будущее российско-южнокорейских отношений зависит от перспектив структурной трансформации экономики РФ, увеличения в ней доли высокотехнологичных отраслей, а также от повышения креативной активности российского частного бизнеса на внешних рынках.

Заключение

Политический кризис 2016-17 гг. продемонстрировал незавершенный характер перехода от авторитаризма к демократии в Южной Корее. Проявилась проблема разных скоростей и разнонаправленного характера институциональной трансформации на экономическом и политическом направлениях.

В экономической сфере модернизация носит системный характер, охватывая крупный, малый и средний бизнес, управление хозяйственными процессами (хотя и с разной степенью успеха). Наиболее зримо модернизационные тенденции просматриваются с начала XXI века в ходе реализации достаточно последовательного курса обновления и развития научно-технического потенциала. В итоге модернизация в экономике выразилась в придании нового качественного уровня традиционным отраслям (высококачественная металлургия, специализированное судостроение, «умная» энергетика) и превращении новых высокотехнологичных производств (ИТ, робототехника нового поколения и т.д.) в драйверы экономического роста.

Наряду с этим серьезные позитивные результаты достигнуты в повышении уровня образования и науки,

³⁰ Сонг Бьонг Джик. Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией. Проблемы Дальнего Востока. №1, 2017. С. 56-57.

развития тесных связей с аналогичными зарубежными образовательными и научными центрами. Растет авторитет и общественное признание профессуры и ученых.

В этом смысле Южная Корея отвечает общемировым трендам. Также на подъеме находится южнокорейская гуманитарная отрасль, успешно продвигается экспансия культурной продукции в Азии и на глобальном уровне.

Следует особо отметить активизацию в последние годы участия Южной Кореи в выработке принципов регионального и глобального управления в рамках различных азиатских форумов, саммитов «двадцатки» и на других международных переговорных площадках. В то же время пока РК не удалось в полной мере сформировать устойчивые внешние связи одновременно с США, ЕС и евразийскими партнерами в лице Китая и России. Южная Корея также пока не смогла найти свое место в интеграционных мега-проектах.

Кроме того, отношения государства и крупного частного бизнеса несут на себе печать патронажной опеки, что приводит к сохранению непрозрачных и коррупционных связей, а также к деформации конкуренции, негативно сказывающейся на экономических процессах.

В значительной степени в этом проявляется проблема медленной трансформации политической системы как на уровне законодательной власти, так и партийной системы. На фоне ортодоксальной иерархичной организации партий, их неадекватной реактивности в принятии решений по ключевым внутриполитическим вопросам в ходе кризиса 2016-17 гг. стала заметна бескомпромиссность и активность НКО, завоевавших доверие в обществе. В то же время подтвердили свой авторитет традиционные СМИ, находящиеся вне зоны прямого контроля со стороны власти.

Итоговое противоречие, приведшее в кризисное состояние южнокорейское общество, состоит в том, что экономика, наука и культура решают актуальные национальные и глобальные задачи и отвечают на вызовы XXI века, а мировоззрение элит и политические институты остались на стадии перехода от авторитаризма к демократии.

Администрации Мун Чжэ Ина предстоит продемонстрировать способность одновременно решать проблемы, проявившиеся на разных направлениях. Продолжать приводить корпоративную структуру в соответствие с потребностями инновационного развития, обеспечивать социальные гарантии при введении большей трудовой мобильности, формировать устойчивую многовекторность южнокорейской внешней политики и внешнеэкономических связей, способствовать стабилизации отношений с КНДР; наконец, модернизировать политическую систему путем проведения политической реформы, подразумевающей большую сбалансированность властных полномочий.

Данная задача представляется выполнимой, но чрезвычайно сложной, поскольку достичь цели возможно только при условии диалога и достижения компромисса между политическими, экономическими и общественными элитами южнокорейского общества.

Научное издание

Федоровский Александр Николаевич

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ:
ОПЫТ ПОСТАВТОРИТАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Научный доклад

ISBN 978-5-9535-0515-4

Подписано в печать 13.12.2017.

Формат 170×240 Печать офсетная.

Объем 5,0 п.л., 1,51 а.л. Тираж 100 экз. Заказ № 34/2017

Издательство ИМЭМО РАН

Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23